

УДК 94 "1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/10

КАРПАТОРУССКАЯ ПРОБЛЕМА НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1919 г.)*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: namirina@bk.ru

² E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

Парижская мирная конференция сформировала мировой порядок на основе легализованного права наций на самоопределение. В то же время границы в Европе определялись не только национальным фактором, но и дипломатической борьбой между великими державами, которая развернулась в период работы конференции. Основной задачей держав было создание «баланса сил» в послевоенной Европе. Право на самоопределение народов отошло на второй план и не стало главной целью переговорных процессов конференции. Безусловное влияние на исход дипломатических споров оказала гражданская война в России, итоги которой определяли разные варианты решения вопроса западных границ Российского государства, включая проблему Прикарпатской (Карпатской) Руси. После распада Австро-Венгрии судьба населявших ее народов, в том числе русинов (карпаторусов), стала объектом политических и геополитических интересов – в первую очередь, Великобритании, Франции, белой России, формировавшихся государств Чехословакии и Польши. Политическая элита русинов-москвофилов отстаивала идею национального объединения и включения территорий, населенных русинами, в состав России. В обращениях к лидерам Франции, США, Великобритании, Чехословакии подчеркивалось, что карпаторусский вопрос является «неотъемлемой частью общерусского государственного и национального вопроса». В заявлениях, адресованных Парижской конференции, выражалась надежда, что «голос Карпатской Руси будет услышан союзными нациями», которые не допустят, чтобы «на исконно русских землях» попирались «права гуманности и справедливости», «права части русского народа на самоопределение».

* Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Но эти требования не были приняты во внимание Версальской конференцией. Русинское население оказалось в составе новорожденных государств – Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии и Венгрии.

Ключевые слова: карпаторусы, Прикарпатская (Карпатская) Русь, Галицкая Русь, Парижская мирная конференция, Центральный карпаторусский совет, Карпаторусский комитет в Париже.

THE CARPATHO-RUSSIAN PROBLEM AT THE PARIS PEACE CONFERENCE IN 1919*

I.V. Nam¹, N.I. Naumova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: namirina@bk.ru

²E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract

The Paris Peace Conference formed a new world order on the basis of the legalised right of nations to self-determination. However, European borders were determined not only by the national factor, but also through a diplomatic battle between the great powers, which unfolded during the Conference. The participant states aimed at creating a 'balance of powers' in the post-war Europe. The right to self-determination turned out to be low on the agenda and did not constitute the main focus of negotiations at the Conference. It was Russia's Civil War that had a clear effect on the outcome of diplomatic disputes; it paved the way for different scenarios for the Russian state's western borders to be settled, including the Carpathian Rus' problem (Carpatho-Russia). After Austria-Hungary's dissolution, its peoples, with the Rusins (Carpatho-Rusins) among them, came to be of great political and geopolitical interest, first of all, on the part of Great Britain, France, the Russian Whites, and the emerging states of Czechoslovakia and Poland. The pro-Moscow Rusin political elite advocated the national unity and inclusion of territories inhabited by the Rusins into the Russian state. In their address to the leaders of France, the USA, Great Britain, and Czechoslovakia, they stressed that the Carpatho-Russian issue was "an indispensable part of the all-Russian state and national issue". They also expressed hope that "the voice of Carpathian Rus' will be heard by the allied

---

* This research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme (Grant Nr. 8.1.27.2018).

nations” so as not to allow a situation where “on the truly Russian land” “the right to humane treatment and justice” as well as “the right to self-determination enjoyed by a part of the Russian people” was undermined. However, their demands were not taken into consideration at the Versailles Conference. As a result, the Rusin population found itself in territories of the newly created states of Czechoslovakia, Poland, Yugoslavia, Romania and Hungary.

Keywords: Carpatho-Rusins, Carpathian Rus', Galician Rus', Paris Peace Conference, Central Carpatho-Russian Council, Carpatho-Russian Committee in Paris.

Парижская (Версальская) мирная конференция¹, проходившая с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., кардинально изменила европейскую территориально-политическую систему под влиянием новых подходов к устройению мира, сформулированных президентом США В. Вильсоном в его «14 пунктах». Многие стороны ее работы получили освещение в исследованиях российских и зарубежных авторов, но интерес историков был направлен преимущественно на выявление геополитических устремлений победителей, в то время как притязания этнических меньшинств распавшихся империй – Габсбургской и Российской – изучены слабо. Особый интерес представляет политическая судьба населения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) – русинов (карпаторусов), которая была решена конференцией без учета их волеизъявления. В итоге они оказались разделены между новыми государствами – Чехословакией, Польшей, Румынией и Югославией.

Карпатские русины² – крайняя юго-западная часть обширной восточнославянской этноязыковой общности, населяющая южные и северные склоны Карпат, которая получила историческое название *Карпатская Русь*. Находясь в составе Австро-Венгерской империи до 1918 г., русины были разделены между австрийской частью империи Габсбургов (Галиция и Буковина) и ее венгерской частью (Угорская Русь). Национальная идентичность карпатских русинов (галицких, угорских, буковинских), сформировавшаяся в XIX в. под воздействием «будителей» (А. Духновича, И. Раковского, А. Добрянского и др.) – убежденных русофилов, основывалась на идее принадлежности карпаторусов к единому русскому племени от Карпат до Тихого океана. Это обстоятельство было предметом постоянной озабоченности Вены, с недоверием относившейся к восточнославянскому населению Галиции, прорусские симпатии которого в условиях общей границы с Российской империей не могли не вызывать у австрийских властей опасений (Шевченко 2010: 71). Неудивительно, что и в послевоенных условиях представления о будущем политическом устройстве

русинов определялись сильными русофильскими настроениями и стремлением к установлению государственной связи с «великой», «демократической» Россией.

Русинам-русофилам (москвофилам) противостояло культурно-политическое движение русинов-украинофилов, которые видели будущее Восточной Галиции в единстве всех украинских земель от Карпат до Дона и ориентировались на поддержку австрийских правящих кругов в борьбе против господства польского элемента в социально-экономической сфере. К концу XIX в. относится появление термина «украинец», первоначально имевшего политический характер и отождествлявшегося с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства и русской государственности и поэтому отвергавшегося «русским» (русинским) населением края (Савченко 1996: 96–97).

После окончания Первой мировой войны национальное развитие русинов могло пойти разными путями: формирования общерусинской идентичности, создания на русинской этнической основе украинской идентичности, интегрирования в польскую нацию, вхождения в состав общерусской нации. Все зависело от того, какому из проектов национального строительства – *польскому, украинскому или «большой русской нации»* – суждено было сбыться. Эти три проекта подразумевали включение в развитие собственной национальной идентичности того восточнославянского населения, которое сторонниками украинского проекта трактовалось как украинское, русского – как малоросское, а польского – как русинское (Марчуков 2006: 25; Нам, Наумова 2015: 128). Наиболее очевидными казались общерусский и украинский (для русинов-галичан) варианты национального развития. Общерусский путь предполагал преобразование русинского населения в локальный вариант общерусской нации: либо наравне с великорусами, малорусами и белорусами, либо как общей с малорусами ветви русской нации. Согласно украинскому проекту, русинам предстояло стать неотъемлемой частью украинского народа, населявшего российскую и австро-венгерскую части (Марчуков 2007: 200–201). Любой из этих проектов, в зависимости от стечения внутренних и внешних факторов, мог быть как успешным, так и неудачным (Миллер 2000: 12).

Во время Первой мировой войны русское (русинское) движение было ослаблено австро-венгерскими репрессиями. Десятки тысяч галицких русинов и буковинцев были брошены в концентрационные лагеря Талергоф, Гнас, Терезин, Гмин и др. По некоторым данным, погибло не менее 60 тыс. русинов – австро-венгерских подданных. Больше всего пострадала Восточная Галиция, из-за военных дейст-

вий и репрессий 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион. В России на положении беженцев оказалось около 200 тыс. галичан (Суляк 2015: 109).

С распадом в 1918 г. Австро-Венгрии государственно-правовое положение карпатских русинов (карпаторусов) в корне изменилось. Если раньше они находились в составе единого государства – империи Габсбургов, то теперь стали объектом притязаний нескольких новообразующихся национальных государств, прежде всего Чехословакии и Польши. В отличие от Чехословакии, возникшей на территории, ранее полностью входившей в состав Австро-Венгрии, польские земли были разделены между Германией, Россией и Австро-Венгрией, что создавало более сложные условия для возрождения польской государственности, идею которой использовали в своих интересах как Антанта, так и Центральные державы. В вопросе польских границ западные державы в качестве главного критерия использовали этнический принцип. Но если при определении северных, западных и южных границ Польша придерживалась этнического критерия, то граница на востоке определялась исключительно силой польского оружия: был проигнорирован 13-й пункт программы президента США В. Вильсона, гласивший, что независимая Польша будет включать территории с «неоспоримо польским населением» (Яжборовская, Парсаданова 2005: 137–138; Шевченко 2010: 105–111).

В решении политических судеб карпатских русинов заметную роль как во время войны, так и после ее окончания играла многочисленная русинская диаспора США, образовавшаяся в результате массовой миграции в конце XIX – начале XX в.³ 21 мая 1917 г. в Нью-Йорке был создан Союз освобождения Прикарпатской Руси. На имя председателя Совета министров кн. Н.Н. Львова была отправлена телеграмма с просьбой, чтобы «свободная Россия» не оставила «прикарпатских русских» «под австро-мадьярским игом», освободила их и соединила со свободной Россией. Созванный 13 июля 1917 г. конгресс американских русинов принял меморандум, «посвященный свободному русскому народу в России, русскому Учредительному собранию и русскому правительству». «Русский конгресс, – говорилось в меморандуме, – от имени своего народа торжественно и единодушно заявляет, что весь карпаторусский народ неуклонно желает... воссоединения... Прикарпатской Руси в ее этнографических границах с ее старшей сестрой, великой демократической Россией. ...Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая, нераздельная, могучая, свободная Русь» (Шевченко 2010: 111–112). В Вашингтон была отправлена делегация для вручения меморандума

американскому президенту и всем представителям союзнических стран (ГАРФ 2: 8 об.).

Однако после прихода к власти в России большевиков пророссийская ориентация многих русинских организаций в США уступила место новым внешнеполитическим приоритетам, среди которых ведущим оказался прочехословацкий. 21 октября 1918 г. во время встречи с руководством Американской народной рады угрорусинов, созданной в июле 1918 г., президент США В. Вильсон посоветовал русинским деятелям установить связь с чехами и словаками в форме автономии. И уже через неделю на встрече руководителей рады с Т. Масариком, прибывшим в США для подготовки учредительного съезда Среднеевропейского союза угнетенных народов⁴ и заочно избранным президентом независимой Чехословакии⁵, было достигнуто соглашение о вхождении Угорской Руси в состав Чехословакии. 12 ноября в Скрэнтоне Американская рада угорских русинов одобрила план вхождения в состав Чехословакии и приняла решение о референдуме среди американских угрорусинов по этому вопросу. В результате референдума, состоявшегося во второй половине ноября, уже после провозглашения независимой Чехословакии, за присоединение к ЧСР высказалось 67 % участников, к Украине – 28 % и только по 1 % – к Венгрии и России. Хотя в голосовании приняло участие менее половины русинских общин и приходов, не участвовали в нем и православные русины, итоги референдума активно использовались впоследствии чехословацкими политиками как одно из главных доказательств легитимности вхождения русинов в состав Чехословакии (Шевченко 2010: 114–119).

В Европе, где в результате активизации национального движения русинов был образован ряд русинских организаций, а самыми активными были Пряшевская, Ужгородская и Хустская народные рады, переориентация русинских политиков с России на Прагу проходила медленнее, чем в США. Вплоть до конца января 1919 г., т. е. до того момента, когда стало известно о решении американских русинов присоединиться к Чехословакии, карпатские русины не обнаруживали стремления войти в ее состав, подчеркивая необходимость общерусского единства. Так, Пряшевская рада во главе с А. Бескидом в своей декларации от 19 ноября 1918 г. рассматривала карпатских русинов как часть единого русского народа и, ссылаясь на пункты Вильсона, требовала «для русинов в этнографических границах право свободного самоопределения» и возможности изложить свои требования на мирной конференции (Шевченко 2010: 121–122).

Стремление к объединению с Россией неизменно присутствовало среди карпатских и галицких русинов, военнопленных и беженцев,

оказавшихся в России волею военных обстоятельств⁶. Первоначально центром галицкого движения здесь стал Ростов-на-Дону, куда в 1915 г. переехал из Львова Русский народный совет Прикарпатской Руси (ГАРФ 2: 7 об.–8). Другой центр образовался на востоке России – сначала в Челябинске, а затем в Омске. 20 августа 1918 г. в Челябинске был создан Союз освобождения Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси) с целью объединения ее уроженцев, «разбросанных на территории возрождающейся России», и освобождения с оружием в руках территории Прикарпатья от «австро-германского ига». Созванный 5–6 октября 1918 г. в Челябинске съезд представителей карпаторусских организаций выдвинул требование воссоединения Прикарпатской Руси, «заселенной русским народом», с Россией и осудил создание отдельного украинского государства как губительное для малороссов и великороссов. Только в пределах одного государства, говорилось в резолюции, «с предоставлением населению широкой областной автономии», будет обеспечено «правильное развитие всего русского народа, как белоруссов, так и малороссов». Был создан Центральный карпаторусский совет (ЦКС) во главе с А.В. Копыстьянским. Большое значение придавалось газете «Карпаторусское слово», издававшейся с декабря 1918 г. (Нам, Наумова 2014: 154–157). 18 декабря 1918 г. в ней было опубликовано «Открытое письмо» ЦКС с просьбой к Т. Масарику как председателю Лиги угнетенных народов Средней Европы и советнику по славянским делам на предстоящей мирной конференции с просьбой «поддержать вековые стремления населения Прикарпатской Руси... к воссоединению с родной, великой Россией». В письме подчеркивалось, что мирное культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси «возможно только в пределах Российского государства с предоставлением населению областной автономии» (Открытое письмо 1919).

С Россией и только с Россией связывали свое будущее галицкие русины-русофилы. 7 ноября на съезде в г. Санок (Сянок) был избран Народный совет русского Прикарпатья «как представителя населения Червонной, Угорской и Буковинской Руси» и «выразителя его стремлений». В меморандуме, принятом 26 декабря 1918 г., говорилось, что русины осознают себя «гражданами единого великого Русского государства» и не признают «никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти» на их земле (Меморандум 1919; Шевченко 2010: 120–121).

Политические предпочтения русинов-лемков, населявших гористые карпатские районы, также с самого начала были связаны с Россией. 5 декабря 1918 г. на съезде в городке Флоринка был образован Русский совет Лемковщины, и провозглашено образование Русской народной

республики лемков с центром во Флоринке. Во внешнеполитической сфере руководство Лемковской республики стремилось к административному объединению карпатских и галицких русинов в составе России. Через неделю после съезда во Флоринке лидеры Лемковской республики присоединились к галицким политикам-русофилам, образовавшим в г. Сянок Народный совет русского Прикарпатья (Шевченко 2010: 120–121). 21 декабря на собрании в Кошицах Пряшевская и Угрорусская рады и Верховный совет Лемковщины объединились в Карпаторусскую народную раду (ГАРФ2: 5 об.–6).

Образованная украинофилами во Львове 19 октября 1918 г. Украинская рада, рассматривавшая земли галицких и угорских русинов как часть украинских земель, провозгласила в ноябре 1918 г. образование Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). Поскольку это решение было принято без участия русофильских политиков – «той части малорусского населения в Галиции и Буковине, которая, исповедуя идею русского национально-культурного единства... стремилась к соединению с Россией», оно не могло не вызвать протесты галицких русофилов, образовавших 24 ноября 1918 г. Русский исполнительный комитет, куда вошли Д.А. Марков, В.М. Курилович, К.С. Черлунчакевич, И.Г. Третьяк, Е.М. Вальницкий. Совет выступил с протестом против присвоения Украинской Радой права исключительного представительства малороссийского населения в Восточной Галичине. Было возобновлено издание на русском языке газеты «Прикарпатская Русь», закрытой австрийским правительством в день объявления войны. 3 декабря был опубликован «Манифест к русскому населению Прикарпатья» с требованием «соединения всех русских земель в одно государство со включением Галицкой, Буковинской и Угорской Руси». Но с переходом Львова в конце декабря в руки польских войск деятельность галицких русофилов снова стала невозможной. Начались аресты «русских людей за участие в вооруженной борьбе против польских войск, за поддержку идеи о воссоединении с Россией». Прекратилось издание «Прикарпатской Руси» (Из истории 1919 а; ГАРФ 1: 3–6 об.)

Тем временем Д.А. Марков и Е.В. Вальницкий отправились на собранные крестьянами деньги в Прагу. 24 декабря делегация вручила президенту Масарику докладную записку с требованием «безусловного» присоединения к Русскому государству «русского (малорусского)» населения Прикарпатья и допуска «представителей русской народной организации как составной части делегации России к участию в совещаниях по вопросам, касающимся судьбы и устройства русского народа Прикарпатья». Одновременно в Прагу прибыли представители угрорусов и лемков Карчмарчик, Цеханский,

Юрчакевич и Невицкий, обратившиеся к Масарику с заявлением, что угрорусское и лемковское население желает «присоединения только к одной России, отнюдь не к самостийной Украине». Из Праги Марков и Вальницкий выехали в Белград, откуда Вальницкий отправился в Екатеринодар к Деникину, а Марков – в Париж, куда прибыл в середине февраля 1919 г. (ГАРФ 1: 6; Из истории 1919 а), когда работа мирной конференции уже началась.

В Париже Д.А. Марков установил контакты с лидерами американских галицких русинов, «довел до сведения» делегатов Парижской конференции Сянокский меморандум от 26 декабря 1918 г. о воссоединении карпаторусских областей с Россией и представил в качестве обоснования этнографические карты. С приездом в Париж представителей американских русинов П.М. Дзвончика и П.П. Гаталяка был образован «Карпаторусский комитет в Париже» под председательством Маркова (Из истории 1919 б). В то же время из Сибири выехали И. Церох, С. Бендасюк и М. Сохоцкий, направлявшиеся в Америку, а затем в Париж, чтобы присоединиться к Парижскому комитету. В отправленной 4 июня на имя Ж. Клемансо каблограмме они просили «определить границы Польши, Румынии и Венгрии строго по этнографическому принципу без малейшего ущерба для ныне беззащитного карпаторусского народа». С этой целью предлагалось делегировать на места особую комиссию, материалы для которой могли предоставить находившиеся в Париже представители Прикарпатской Руси Марков, Гладик, Дзвончик и Гаталяк (Карпаторусы 1919; Прикарпатская Русь 1919).

Конгресс карпаторусов, состоявшийся 5 апреля 1919 г. в Нью-Йорке, принял декларацию, в которой провозглашались независимость Прикарпатской Руси и неприемлемость каких-либо «политических комбинаций», преследующих цель «сохранить хотя бы косвенную связь с Австрией, Венгрией или с другими... иноплеменными государственными образованиями», и заявлялась «солидарность с русскими правительствами в Омске, Архангельске и Екатеринодаре». Декларация была послана в Париж Д.А. Маркову и В. Вильсону, одновременно извещалось об избрании Маркова главой карпаторусской делегации на мирной конференции (Декларация 1919). В ее состав входили Гаталяк и Дзвончик от карпаторусов США, Гладик от Канады, Бендасюк и Церох от России (Состав 1919).

Деятельность Карпаторусского комитета и делегации, представленных главным образом галицкими русофилами, была направлена на присоединение к России всей Карпатской и Галицкой Руси и претендовала на представительство интересов всех карпатских русинов, что объективно противоречило целям делегации американских угрору-

синов, добивавшихся присоединения Угорской Руси к Чехословакии (Шевченко 2010: 122). На это обстоятельство обратил внимание член Русского политического совещания в Париже⁶ министр иностранных дел С. Сазонов. В июне 1919 г. он сообщал в Омск, что группы «русских Австро-Венгрии» придерживаются разных направлений и только группа Маркова открыто требует воссоединения с Россией (Баринов, Стрелков 2012: 123). В свою очередь, председатель ЦКС А.В. Копыстьянский попросил Сазонова передать Маркову как «главному вождю всех карпатороссов» просьбу о формальном подчинении адмиралу Колчаку как Верховному правителю, в целях «согласованности действий и фактического объединения всяя Руси» (ГАРФ 2: 70).

На фоне относительной успешности внутренней самоорганизации карпаторусского движения в России, Европе и в Америке более проблематичным был вопрос о налаживании международных связей с целью продвижения идеи «воссоединения» с Россией. Во время работы Парижской конференции карпаторусские организации прилагали немалые усилия к тому, чтобы донести свои политические требования до ее руководителей, прежде всего до В. Вильсона и Ж. Клемансо. Так, Американское общество русских братств, представлявшее карпаторусов Галиции, Буковины и Северной Угорщины, отправило в Париж телеграммы, адресованные В. Вильсону и руководителю Русской политической делегации князю Г.Е. Львову. В телеграмме Вильсону, выдвинутым принципам «мира и войны» которого отдавалось должное, содержалась просьба о помощи карпаторусам «в их национальном и политическом воссоединении с Матерью Русью», и подчеркивалось, что карпаторусы «всегда стремились к самоопределению своей национальности» и сейчас хотели бы воссоединиться с Россией «как Эльзас-Лотарингия с Францией». В телеграмме Г.Е. Львову выражалась просьба приложить все усилия к допуску делегации карпаторусов на мирную конференцию и к воссоединению Прикарпатской Руси с Россией (Голос 1919). В Декларации ЦКС, переданной представителю Франции в Сибири Ренью для вручения президенту Р. Пункаре, содержалась просьба «выслушать голос забытой и забитой Прикарпатской Руси» и дать ей возможность, со ссылкой на прецедент передачи Франции Эльзас-Лотарингии, «воссоединиться с родной, великой Россией». Подчеркивалось, что культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси возможно только в пределах Российского государства с предоставлением ее населению областной автономии (ГАРФ 2: 4–5).

Политическая ориентация русинских политиков объяснялась рядом факторов, одним из которых была идея присоединения Прикарпатской Руси к России, обсуждавшаяся в российском обществе и в правительственных сферах еще в годы Первой мировой войны и ранее.

Восточная Галиция и Лемковщина рассматривались как «коренные русские области». Сложившаяся к началу войны национально-политическая ситуация в Галиции благоприятствовала ее интеграции с Россией (Савченко 2002: 79). В условиях гражданской войны русины-русофилы стали возлагать надежды на белых (правительство А.В. Колчака в Омске, Добровольческая армия А.И. Деникина), полагая, что провозглашенный ими принцип «единой и неделимой России» позволит русинам реализовать свои планы. Так, глава Центрального комитета карпаторусских организаций в США В.С. Черняк заявил, что карпатороссы «боролись и будут бороться за единство русского народа, за общерусский литературный язык, за русское имя и достояние русского народа». При этом он отмечал важность взаимодействия Прикарпатской Руси с Омским правительством (Праздник 1919), имея в виду деятельность ЦКС в Сибири.

Однако политическая активность карпатских русинов-русофилов, опиравшихся на провозглашенный Вильсоном «принцип национальности» при проведении послевоенных границ, поддержки со стороны Парижской конференции не получила. Единственными союзниками карпаторусской делегации русофилов были русские политики, связанные с Белым движением и также руководствовавшиеся собственными геополитическими интересами. Политики и дипломаты Белого движения рассматривали проблему Прикарпатской Руси в контексте вопроса о послевоенных границах и геополитических задач России. В ноябре 1918 г. внешнеполитическое ведомство Омского правительства получило указание А.В. Колчака «о срочной разработке... всех данных, обеспечивающих наиболее выгодную для России пограничную линию с Польшей... с тем расчетом, чтобы Белоруссия, Литва и Прикарпатская Русь входили в состав России». В декабре 1918 г. было учреждено Особое подготовительное к мирным переговорам совещание. На первом заседании, состоявшемся 15 декабря, отмечалось, что важной геополитической задачей России является содействие «сплочению и укреплению всей славянской группы народов, которая может сыграть в будущем роль мощного буфера между Германией и Россией». 17 декабря, когда рассматривался вопрос о Восточной Галиции и Холмщине, исполняющий обязанности товарища министра иностранных дел В.Г. Жуковский высказался против самой возможности притязаний поляков на Галичину, а секретарь МИД К.Н. Фаминский подчеркнул: «В вопросе о Холмщине мы должны допускать возможность уступки полякам... для получения от поляков Галичины». По итогам обсуждений управляющий МИД Ю.В. Ключников сделал доклад, который содержал отдельный раздел «Россия и славянский вопрос» (Зубачевский 2005: 120–121).

Для русской делегации, которую предполагалось направить в Париж для участия в конференции, Ю.В. Ключников разработал принципы, предусматривавшие «ограничение национального начала во имя начала государственного и правового»; присоединение к России Мраморного моря с Дарданеллами и Босфором, Галиции, Прикарпатской Руси и Буковины и создание славянского государственного союза по типу конфедерации (Хандорин 2017: 357). В феврале 1919 г. управляющий МИД направил военному министру письмо, в котором подтверждалась необходимость руководствоваться в работах подготовительного совещания тем, что Прикарпатская Русь «должна войти в пределы России на основах широкой автономии», и рекомендовалось использовать в Сибири во имя достижения общих целей военную силу карпаторусов (ГАРФ 2: 32). В начале июня 1919 г. ЦКС приступил к мобилизации, мотивируя это тем, что в Галицию нужно вернуться в организованном порядке, а лучший путь к этому – армия (Голос 1919). Однако уже в мае стало ясно, что этим планам не суждено осуществиться, поскольку обсуждение «русского вопроса», одного из главных в повестке дня конференции, проходило без участия представителей России, несмотря на их заявления о том, что ни один вопрос, «касающийся частных русских интересов, не может быть решен без участия России и без соглашения с ней, а в разработке международных вопросов общего порядка ей должно быть предоставлено принадлежащее место» (Скаба 1971: 123–124).

Гражданская война в России вынудила угорских и лемковских политиков-русофилов переориентироваться на Чехословакию. Эти планы были поддержаны Карпаторусской радой в Пряшеве, руководитель которой А. Бескид вместе с представителем лемков Д. Собиным направил 12 марта 1919 г. правительству ЧСР меморандум с просьбой присоединить «северокарпатскую часть русской ветки» вместе с угрорусинами южных склонов Карпат к Чехословакии. Аналогичные меморандумы были отправлены 20 апреля Парижской конференции и 1 мая – В. Вильсону. Но планы территориального объединения и совместного вхождения угорских русинов и лемков в состав Чехословакии реализованы не были. Против этого выступило как правительство ЧСР, не желавшее обострять отношения с Польшей, так и созванная 8 мая 1919 г. при поддержке чехословацких властей в Ужгороде Центральная Украинская Рада, сформированная из Пряшевской, Ужгородской и Хустской рад, которая санкционировала вхождение Угорской Руси в состав Чехословакии. В Прагу была послана делегация для переговоров о деталях вхождения в состав ЧСР, о словацко-русинской границе и о статусе Подкарпатья. Эта идея была одобрена В. Вильсоном и активно поддерживалась президентом

Масариком и министром иностранных дел Бенешем. Предполагалось, что эта область станет полностью самоуправляемой единицей в составе федерации под названием Чешско-словацко-русская республика. Но мнение карпатских русинов по вопросу о словацко-русинской границе, который они рассчитывали решить на основании этнографического принципа, не было принято во внимание. Судьба края была определена Парижской конференцией на основе Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров. Сен-Жерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г., юридически закрепил вхождение Подкарпатской (Угорской) Руси в состав Чехословакии, оставив Лемковщину Польше. Согласно Трианонскому договору, Венгрия признала за ЧСР территории Словакии и Угорской Руси (Марьина 2003: 4; Шевченко 2010: 123–133; Марьина 2015: 31–32). Так земли карпатских русинов оказались разделенными между Чехословакией и Польшей.

Раскол в русинском движении особенно беспокоил галицких русофилов, которые не намерены были отказываться от своей программы объединения с Россией. Проходивший 14–15 апреля 1918 г. в Омске Второй карпаторусский съезд потребовал «воссоединения Прикарпатской Руси с Россией с предоставлением населению областного самоуправления» и осудил начавшуюся перекройку государственных границ. В принятой съездом резолюции выражался протест против посягательств соседних государств на территорию Прикарпатской Руси, являющихся не только «попранием воли местного населения, но и грубым нарушением прав всего русского народа». Не одобрялось постановление угрорусского съезда в г. Пряшев о присоединении части угрорусов к Чехословацкой Республике. Осуждалось стремление малороссов к «самостийной» Украине. Создание Польского государства приветствовалось, но только в пределах «коренных польских земель» и при условии вхождения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси в состав России. Содержался призыв сплотиться вокруг Верховного правителя, «собирателя земли русской», который ведет страну «через победу над анархией к Национальному собранию» (Нам, Наумова 2014: 159–160).

Не были заслушаны делегаты России и Прикарпатской Руси и на заседании министров иностранных дел 26 апреля 1919 г., когда обсуждался вопрос о границах между Польшей и Восточной Галицией (Скаба 1971: 124). Между тем творцы Версальской системы в вопросе о судьбе Восточной Галиции пошли навстречу Польше. 25 июня 1919 г. Верховный совет благословил Польшу «на дальнейшее прохождение военных операций до реки Збруч». Это означало согласие на занятие всей Восточной Галиции, которую Верховный совет отдал в управле-

ние Польши на 25 лет. Таким образом, будущее предопределялось военным захватом (Яжборовская, Парсаданова 2005: 141). Право на окончательное решение судьбы Восточной Галиции державы Антанты оставили за собой. Этот вопрос предполагалось решить впоследствии на основе плебисцита, к которому жители Восточной Галиции могли прибегнуть «как к последнему средству для разрешения вопроса о своей принадлежности к тому или иному государству» (Ллойд Джордж 1957: 492). Показательно, что коренное восточнославянское население Галиции рассматривалось на конференции как русины, а не как украинцы, хотя представители ЗУНР были выслушаны (Савченко 1996: 104).

Решение Верховного совета о передаче Восточной Галиции и Лемковщины под управление Польши было расценено Карпаторусским комитетом в Париже как «явное нарушение принципа самоопределения народов», создающее почву для национального ирредентизма. А собрание галицко-русинских общественных деятелей, состоявшееся в Праге 17 июня 1919 г., приняло обширную резолюцию протеста, настаивая на «праве быть воссоединенными с демократической Россией», подобно тому, как по воле конференции были объединены с «единоплеменными государствами» другие народы бывшей Австро-Венгрии – итальянцы, румыны, поляки, сербо-хорваты, словенцы и словаки (К судьбе 1919). 2 июля карпаторусские делегаты были приглашены на заседание комиссии, которой было поручено рассмотрение вопроса о судьбе Восточной Галиции и Буковины. Им было сказано, что конференция намерена образовать из восточной части Галиции и русской Буковины автономный штат при Польше, но только временно, пока не будет произведен плебисцит и население само не решит вопрос о государственной принадлежности и управлении краем. Карпаторусская делегация опротестовала эти предложения и выдвинула контрпредложения, включая присоединение карпаторусских земель к России. Но, понимая, что в сложившихся условиях сделать это затруднительно, предложила образовать международную комиссию с участием, кроме представителей союзников, Югославии, Чехословакии и России. Выдвигались требования полной национальной свободы для русского населения края, допущения в школы русского литературного языка и свободы вероисповедания для православных (Карпаторусский 1919).

По договору 1920 г. между Францией, Великобританией, Италией, Японией и Польшей, Румынией, Чехословакией и Сербо-хорвато-словенским государством Польша получила Западную Галицию. Таким образом, вся Галиция стала частью Польского государства (Штейн 1949: 197, 199–200). В марте 1923 г. Конференция послов передала

Восточную Галицию в «полное суверенное владение» Польши. Это решение сопровождалось оговоркой, в которой последняя признавала, что восточная часть Галиции «по своим этнографическим условиям требует установления автономии». Тем не менее Польша ничего не сделала для того, чтобы выполнить это обязательство (Ллойд Джордж 1957: 492–493). 1 августа 1919 г. решением Парижской конференции территория Угорской Руси (Буковины) была передана Румынии, за исключением небольшой части на севере, которая отходила Польше. Русины Воеводины вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, хотя греко-католическое духовенство русинов Воеводины выступало за вхождение Воеводины в состав Венгрии.

Таким образом, в условиях гражданской войны в России и в отсутствие на конференции в Версале ее представителей русинские политики-русофилы не сумели добиться согласования требований и действий русинов Буковины, Угорской Руси и Галиции и не нашли понимания со стороны государств-победителей. Программу мирного урегулирования В. Вильсона, в основу которой был положен «принцип национальности», согласно которому границы новых и реорганизуемых государств должны были совпадать с этническими и языковыми ареалами населявших их народов, великие державы осуществляли избирательно и непоследовательно, руководствуясь в первую очередь собственными геополитическими интересами. Право на самоопределение предоставлялось прежде всего тем, кто это «заслужил» своим участием в борьбе с большевизмом и «тевтонизмом». Важную роль в создании нового миропорядка страны-победительницы отводили Польше, участвовавшей в антисоветской борьбе. Почти каждое из этих государств включало в свой состав языковые и этнические меньшинства, но право на самоопределение за ними правящими кругами новых государств не признавалось. Русинское население оказалось в положении меньшинств в составе новых национальных государств Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии и Венгрии.

Примечания

1. Высшим органом Парижской мирной конференции являлся Верховный совет в составе десяти, а с марта 1919 г. – четырех глав стран-победителей в лице президента США В. Вильсона, премьер-министров Франции (Ж. Клемансо), Великобритании (Д. Ллойд Джордж), Италии (В.Э. Орландо). «Русский вопрос» был одним из главных, но его обсуждение проходило без участия России. Из всех правительств стран, образовавшихся на территории России, к участию в конференции была приглашена только Польша.

2. Термин «русины» закрепился в научной литературе за «русской» частью Австро-Венгрии, население которой именовалось также в работах русских авторов «малороссами». Понятие «русский» относилось ко всем восточным славянам и обозначало цель концепции «большой русской нации». Будучи этнической концепцией, этот проект проводил четкую грань между русским и другими народами империи, отрицая качественный характер этнических различий между велико-, мало- и белорусами, включая их в единую этническую общность (Миллер 2000: 37).

3. Массовая эмиграция за океан была обусловлена обезземеливанием, вызванным заселением русинской части Галиции польско-католическим населением. С 1880 по 1910 г. выехало свыше 800 тыс. чел., главным образом русинов (Савченко 1996: 97).

4. Учредительный съезд Среднеевропейского союза угнетенных народов проходил в конце октября 1918 г. Русины были в числе его участников и вошли в состав союза.

5. 21 октября американский президент Вильсон потребовал у Австрии независимости для чехов и южных славян. Утром 28 октября Вена подписала ноту о независимости чехов и южных славян. Т. Масарик в то время был еще в Америке. Через две недели, 14 ноября, в Женеве на заседании Национального чехословацкого собрания он был избран первым президентом Республики Чехословакии.

6. Русское политическое совещание в Париже было создано для налаживания связи с союзниками и привлечения их к задаче сохранения единства, целостности и суверенитета России. При нем была образована Русская политическая делегация, призванная повлиять на решения Парижской конференции в наиболее благоприятном для России направлении. В ее состав вошли князь Г.Е. Львов, С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, Н.В. Чайковский. За подписями этих людей делались все официальные заявления РПС (Скаба 1971: 46–47).

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 – *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 3. Д. 65. Доклад уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове и переписка с министрами Российского правительства о формировании карпаторусских отрядов и отправке их в Сибирь, о деятельности Центрального карпаторусского совета, схематические карты Прикарпатской Руси и другие материалы. 2 июня – 21 августа 1919 г.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторусов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 окт. – 25 июня 1919 г.

Голос 1919 – Голос Американской Руси // Карпаторусское слово. 1919. № 13.

Декларация 1919 – Декларация Карпаторусского конгресса в Нью-Йорке // Карпаторусское слово. 1919. № 14.

Зубачевский 2005 – *Зубачевский В.А.* Геополитическая страница истории Гражданской войны. 1918–1919 годы // Отечественная история. 2005. № 5. С. 118–131.

Из истории 1919 а – Из истории освободительного движения // Карпаторусское слово. 1919. № 17.

Из истории 1919 б – Из истории освободительного движения // Карпаторусское слово. 1919. № 19.

К судьбе 1919 – К судьбе русской Галиции // Карпаторусское слово. 1919. № 25.

Карпаторусский 1919 – Карпаторусский вопрос не решен окончательно // Карпаторусское слово. 1919. № 22.

Карпаторусы 1919 – Карпаторусы – мирной конференции // Карпаторусское слово. 1919. № 16.

Ллойд Джордж 1957 – *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. Т. 2. 556 с.

Марчуков 2006 – *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цель, методы, результаты. М.: Наука, 2006. 599 с.

Марчуков 2007 – *Марчуков А.В.* «Русские» или «украинцы»? Пути национального развития населения Галиции глазами австрийских дипломатов // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2. С. 196–224.

Марьина 2003 – *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Марьина 2015 – *Марьина В.В.* Закарпатье как объект международной политики. 1938–1943 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 31–46.

Меморандум 1919 – Меморандум народного совета Русского Прикарпатья // Карпаторусское слово. 1919. № 21.

Миллер 2000 – *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Нам, Наумова 2014 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–156.

Нам, Наумова 2015 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 126–142.

Открытое письмо 1919 – Открытое письмо Центрального карпаторусского совета президенту Чешско-Словацкой Республики профессору Масарику // *Карпаторусское слово*. 1919. №1 (2).

Праздник 1919 – Праздник русского единения в Нью-Йорке // *Сибирская речь*. Омск, 1919. 5 июля.

Прикарпатская Русь 1919 – Прикарпатская Русь на мирной конференции // *Карпаторусское слово*. 1919. № 6.

Скаба 1971 – *Скаба А.Д.* Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов. Киев, 1971. 159 с.

Савченко 1996 – *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этно-социальные особенности и проблема присоединения к России) // *Вопросы истории*. 1996. № 11–12. С. 95–106.

Савченко 2002 – *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 гг. // *Вопросы истории*. 2002. № 5. С. 76–89.

Состав 1919 – Состав карпаторусской делегации в Париже // *Карпаторусское слово*. 1919. № 15.

Суляк 2015 – *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне). *Русин*, 2015. № 4 (42). С. 107–125.

Устав 1918 – Устав Карпаторусского совета // *Карпаторусское слово*. 1918. № 1.

Хандорин 2017 – *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Что происходит 1918 – Что происходит в Восточной Галичине? // *Карпаторусское слово*. 1918. № 1.

Шевченко 2010 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.

Штейн 1949 – *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) М.: Госполитиздат, 1949. 463 с.

Яжборовская, Парсаданова 2005 – *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Academia, 2005. 404 с.

REFERENCES

- Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoj voyny, 1918–1920 gg. [Adrian V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920)]. *Rusin*. 3(29). pp. 116–126. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 3. File 65. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

- Anon. (1919) Golos Amerikanskoj Rusi [The voice of the American Rus']. *Karpatorusskoe slovo*. 13.
- Anon. (1919) Deklaratsiya Karpatorusskogo kongressa v N'yu-Yorke [Declaration of the Carpatho-Russian Congress in New York]. *Karpatorusskoe slovo*. 14.
- Zubachevsky, V.A. (2005) Geopoliticheskaya stranitsa istorii Grazhdanskoj vojny. 1918–1919 gody [The geopolitical aspect of the history of the Civil War in 1918–1919]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 118–131.
- Anon. (1919) Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya [From the history of the liberation movement]. *Karpatorusskoe slovo*. 17.
- Anon. (1919) Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya [From the history of the liberation movement]. *Karpatorusskoe slovo*. 19.
- Anon. (1919) K sud'be russkoj Galitsii [To the fate of Russian Galicia] *Karpatorusskoe slovo*. 25.
- Anon. (1919) Karpatorusskiy vopros ne reshen okonchatel'no [The Carpatho-Russian question has not been finally solved] *Karpatorusskoe slovo*. 22.
- Anon. (1919) Karatorussy – mirnoy konferentsii [Carpathorusins to the Peace Conference]. *Karpatorusskoe slovo*. 16.
- Lloyd George, D. (1957) *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The Truth about Peace Treaties]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
- Marchukov, A.V. (2006) *Ukrainskoe Natsional'noe dvizhenie v USSR. 1920–1930-e gody* [The Ukrainian national movement in the USSR in 1920–1930s]. Moscow: Nauka.
- Marchukov, A.V. (2007) “Russkie” ili “ukraintsy”? Puti natsional'nogo razvitiya naseleniya Galitsii glazami avstrijskikh diplomatov [“Russians” or “Ukrainians”? The ways of national development of the population of Galicia through the eyes of Austrian diplomats]. In: Trepavlov, V.V. (ed.) *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [The history of the peoples of Russia in the studies and documents]. Vol. 2. Moscow: RAS. pp. 196–224.
- Maryina, V.V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesa i Stalina. 1939–1945 gg.* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the politics of Beneš and Stalin. 1939–1945]. Moscow: Novyy khronograf.
- Maryina, V.V. (2015) Transcarpathia as an object of international policy. 1938–1943. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 5. pp. 31–46 (In Russian).
- Anon. (1919) Memorandum Narodnogo Soveta Russkogo Prikarpat'ya [Memorandum of the People's Council of the Russian Subcarpathia]. *Karpatorusskoe slovo*. 21.
- Miller, A.I. (2000) “Ukrainskiy vopros” v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [“The Ukrainian case” in the government policy and in Russian public opinion (the second half of the 19th century)]. St. Petersburg: Aletyya.
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia

during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–156 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-politicheskaya identifikatsiya rusinov. 1914–1920 gg. [Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920]. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142.

Anon. (1919) Otkrytoe pis'mo Tsentral'nogo Karpatorusskogo Soveta prezidentu Cheshsko-Slovatskoy respubliki professoru Massariku [An open letter from the Central Carpatho-Russian Council to the President of the Czech-Slovak Republic, Professor Massarik]. *Karpatorusskoe slovo*. 1(2).

Anon. (1919) Prazdnik russkogo edineniya v N'yu-Yorke [The Feast of Russian Unity in New York]. *Sibirskaya rech'*. 5th July.

Anon. (1919) Prikarpat'skaya Rus' na mirnoy konferentsii [Subcarpathian Rus at the Peace Conference]. *Karpatorusskoe slovo*. 6.

Skaba, A.D. (1971) *Parizhskaya mirnaya konferentsiya i inostrannaya interventsiya v strane Sovetov* [The Paris Peace Conference and Foreign Intervention in the Soviets country]. Kiev: Ukrainian SSR Academy of Science.

Savchenko, V.N. (1996) Vostochnaya Galitsiya v 1914–1915 gg. (etnosotsial'nye osobennosti i problema prisoedineniya k Rossii) [Eastern Galicia in 1914–1915 (ethnosocial features and the problem of accession to Russia)]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 95–106.

Savchenko, V.N. (2002) Natsional'no-politicheskie otnosheniya v Vostochnoy Galitsii i Bukovine. 1910–1911 gg.) [National-political relations in Eastern Galicia and Bukovina. 1910–1911]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 76–89.

Anon. (1919) Sostav karapatorusskoj delegatsii v Parizhe [The Carpatho-Russian delegation in Paris]. *Karpatorusskoe slovo*. 15.

Sulyak, S.G. (2015) Rusinskaya identichnost' (na primere uchastiya galichan v grazhdanskoy voyne) [The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil war)]. *Rusin*. 4(42). pp. 107–125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Anon. (1918) Ustav Karpatorusskogo soveta [The Charter of the Carpatho-Russian Council]. *Karpatorusskoe slovo*. 1.

Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

Anon. (1918) Chto proiskhodit v Vostochnoy Galichine? [What is happening in East Galicia?]. *Karpatorusskoe slovo*. 1.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Stein, B.E. (1949) "Russkiy vopros" na Parizhskoy mirnoy konferentsii (1919–1920 gg.) [The "Russian case" at the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow: Gospolitizdat.

Yazhborovskaya, I.S. & Parsadanova, V.S. (2005) *Rossiya i Pol'sha. Sindrom voyny 1920 g.* [Russia and Poland. The syndrome of war of 1920]. Moscow: Academia.

Нам Ираида Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Iraida V. Nam – Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Natalia I. Naumova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru